

Бай Сяньчэнь переродился всего год назад, когда Система выдала ему новое задание.

Она подкинула ему пять скелетов – останки покойных членов семьи Бай, которая в своё время славилась мастерством в ядах. При жизни эти пятеро оставили часть своего духовного сознания в магических артефактах. Поскольку в момент их гибели артефакты были уничтожены или похищены, души не смогли вовремя воссоединиться с телами, и теперь призраки не могли попасть в Царство Мёртвых, вынужденные скитаться между мирами живых и теней.

Если бы Система не вмешалась, в один прекрасный день эти пятеро забыли бы всё и превратились в неприкаянных диких духов.

При жизни они были довольно важными персонажами, и столь жалкий финал явно не соответствовал принципу «гуманного отношения» Бюро Трансмиграции. Опасаясь шквала негативных отзывов, Система приняла экстренные меры.

Задание казалось простым: найти утерянные артефакты, вернуть духовное сознание в тела и отправить пятерых бедолаг в Царство Мёртвых.

Как только они заполнят в филиале преисподней специальные оценочные листы этого мира и пройдут все бюрократические процедуры перед перерождением, задание будет считаться выполненным.

По сути, это была работа курьера-поисковика – никакой сложности, спешить некуда, процесс тягучий и нудный. В Бюро Трансмиграции такие квесты брали только «сотрудники на полупенсии», которым было совсем уж нечем заняться.

Но желающих не находилось, а двое из пятерых уже начали проявлять признаки спутанности сознания. Системе ничего не оставалось, кроме как в срочном порядке восстановить человеческий статус Бай Сяньчэня.

Так Бай Сяньчэнь благополучно воскрес.

Теперь ему даже не нужно было лезть из кожи вон: Система перевела его в категорию «сотрудников на полупенсии», что давало немало льгот.

Бай Сяньчэнь изменил облик и нашел пристанище в заброшенном храме на Границе Людей и Призраков – идеальном месте для жизни скелетов.

Он зажил ленивой жизнью пенсионера: вставал, когда солнце было уже в зените, и брал с собой то одного, то другого скелета поглазеть на пейзажи или потолкаться в толпе в обоих мирах.

Иногда он чувствовал легкое беспокойство из-за задания, но быстро успокаивался – спешка всё равно не поможет. Уйти далеко он действительно не мог.

Во-первых, хоть смертный приговор и отменили, «живое» наказание осталось: Система всё еще помнила провал прошлого задания. В каждую ночь полнолуния Бай Сяньчэнь с некоторой вероятностью мог внезапно ослепнуть, оглохнуть, онеметь или потерять способность двигать конечностями. Если везло – ночь проходила спокойно или проявлялся один симптом; если нет – наваливалось всё сразу. Хотя это и не причиняло боли, отправляться в далекий путь с телом, склонным к внезапным «отказам системы», было неудобно.

Во-вторых, внезапное «оживание» мешало связаться со старыми друзьями, а в новых местах он никого не знал и был отрезан от информации. Он не имел понятия, где искать пять артефактов, и бродить наугад было бы подобно поиску иголки в стоге сена – пустая трата времени.

К тому же, пробыв мертвым столько лет, Бай Сяньчэнь остался гол как сокол. В бизнесе живых он ничего не смыслил, поэтому решил открыть лавочку в Мирах Призраков: всего за пять призрачных кристаллов он брался найти памятную вещь для любого духа, который из-за потери части души не мог уйти на перерождение.

Так Бай Сяньчэнь и жил: копил деньги среди теней и попутно выуживал слухи.

Нынче почти каждый культиватор принадлежал к какой-нибудь секте. Бай Сяньчэнь больше не желал иметь ничего общего с великими семьями культиваторов, он стал предельно осторожен и сразу повесил на лавке объявление: «Для бывших культиваторов услуги не оказываются».

Если бы он строго следовал собственным правилам, беда бы его миновала.

Помнится, первый урок в Бюро Трансммиграции назывался «Не гонись за дешевой выгодой».

Жаль, что Бай Сяньчэнь его прогулял.

Несколько дней назад к нему пришел призрак в простой холщовой одежде. Бай Сяньчэнь с первого взгляда понял, что перед ним культиватор, и сразу отказал. Но призрак, отчаянно жестикулируя, выхватил бумагу с кистью и написал: «Помоги найти письмо, и я отдам тебе все свои призрачные кристаллы».

Призрачные кристаллы выдавались покойникам согласно их прижизненным заслугам – это была твердая валюта высшего ранга, крайне полезная вещь.

А главное, на пути из Мира Призраков в Царство Мёртвых и далее к новому перерождению было множество этапов, где без подкупа кристаллами не обойтись. Потратить всё на поиск безделушки значило обречь себя на страдания в посмертии.

Бай Сяньчэнь взглянул на немого призрака:

— И сколько у тебя кристаллов?

Тот жестами показал число: двести.

Обалдеть.

Бай Сяньчэнь тут же сорвал свое объявление «Культиваторам вход воспрещен»:

— Друг, не продолжай. Заказ принят!

Доход от одного этого дела перекрывал сорок обычных заказов. При таком раскладе Бай Сяньчэнь, как ни старался, не мог найти ни единой причины для отказа. Он тут же начал собирать вещи.

Призрак опешил от столь стремительной перемены лица.

Бай Сяньчэнь изменил внешность с помощью Системы, скопировав черты заказчика.

Возможность менять облик в любое время и в любом месте была привилегией «сотрудника на

полупенсии». Бай Сяньчэнь, считая, что не пользоваться льготами – грех, частенько баловался с интерфейсом настройки лица, так что набил руку.

Сменив лицо, он поменялся с призрачным братом и одеждой.

Когда всё было готово, призрак указал на свой рот и снова потянулся к кисти, чтобы написать подробности о письме.

Бай Сяньчэнь отмахнулся и выудил из-за пазухи побитый временем, переделанный компас фэншуй:

— Не утруждайся. Просто загадай желание про себя.

Призрак с сомнением закрыл глаза. Через мгновение он их открыл и вместе с Бай Сяньчэнем уставился на компас, который мелко задрожал и начал вращаться.

Этот компас был настоящим антиквариатом, древним и дряхлым; после долгих мучений он выдал лишь примерное направление.

Призрак, видимо, никогда не видел столь странных инструментов и жестами спросил: «Что это?»

Бай Сяньчэнь вполголоса ответил:

— Э-э... GPS.

Призрак: «?»

Бай Сяньчэнь принял серьезный вид и ляпнул первое, что пришло в голову:

— Тсс! Тайны небес не разглашаются.

Тот понимающе закивал.

Бай Сяньчэнь боялся попасть под полнолуние, поэтому спешил выйти засветло. Не дожидаясь, пока компас окончательно затихнет, он договорился с призраком о месте встречи, взял половину задатка и поспешно отправился в путь.

На самом деле, едва покинув Мир Призраков, Бай Сяньчэнь начал немного жалеть. Ему казалось, что компас указывает прямо на гору Тайчу, в секту Нефритового Небосвода. Но гора Тайчу не состояла из одного пика, а внешние ученики не имели права заходить вглубь секты, так что он надеялся покрутиться на окраине и тихо уйти, не наделав шуму.

Пока Бай Сяньчэнь предавался раздумьям, стрелка на компасе замерла на гексаграмме «Уцзю».

«Никакой хулы» – золотая середина. Ни великого блага, ни страшной беды. Для Бай Сяньчэня это был вполне приличный прогноз.

Он с минуту смотрел на знакомое слово «Уцзю», прежде чем отогнать лишние мысли. Сделав расчеты, он решил пробраться тропами поближе к внешнему периметру секты, смешаться с толпой благодаря одежде, найти письмо и дать деру.

Через некоторое время компас у него на груди задергался как сумасшедший.

Определенно, цель была близко!

Бай Сяньчэнь хотел немедленно забрать вещь и вернуться назад, но человек предполагает, а Система располагает: он не успел углубиться в поиски, как нагрянуло проклятое полнолуние.

Почувствовав, что голос пропадает, а перед глазами плывет, Бай Сяньчэнь вовремя сел в медитацию, решив переждать до утра, пока симптомы не исчезнут.

К его несчастью, едва забрезжил рассвет, к нему подлетел юноша в серо-зеленом одеянии с высоко завязанными волосами и огромными синяками под глазами. Он в ярости начал трясти его за плечи:

— Ван Кэ! Ты почему здесь? Мы тебя обыскались! Ху Цин сказал, ты взял моего нефритового кролика с духовными узорами и пошел собирать травы на Пик Десяти Тысяч Образов. Ты-то здесь, а где мой кролик?

Бай Сяньчэнь заторможенно открыл глаза. Ночная слепота и немота отступили, но он совершенно не понимал, о чем толкует этот парень.

Юноша вдруг хлопнул себя по лбу:

— Забыл, что ты немой. Давай, жестикулируй! Я пойму! Быстро говори, где мой зверь?

Бай Сяньчэнь хлопал ресницами в полном недоумении.

Парень окончательно вскипел:

— Ван Кэ! Только не говори мне, что ты его потерял!

Бай Сяньчэнь продолжал изображать дурачка с выпученными глазами.

В следующий миг юноша, не слушая возражений, потащил его на Пик Вечного Спокойствия.

На этом пике восседал старейшина Тёмного Наказания, ведающий дисциплиной. Проще говоря, это место было карательным органом секты, куда всех провинившихся отправляли на порку или в карцер – своего рода тюрьма секты Нефритового Небосвода.

Когда Бай Сяньчэнь был учеником Се Уцзю, он от нечего делать любил приходить сюда и донимать старейшину Тёмного Наказания.

Впрочем, старейшина обычно был занят делом и по пустякам не судил. В его Зал Наказаний абы кто не входил, мелкие проступки разбирались в других местах. Только личные ученики старейшин или те, кто совершил нечто из ряда вон выходящее, удостоивались чести предстать перед его судом.

Ван Кэ был всего лишь внешним учеником, и за оплошность его должны были наказать по соседству, но он потерял питомца личного ученика старейшины Громового Молота, так что юноша имел полное право притащить его именно сюда.

Бай Сяньчэнь быстро сообразил, что перед ним какая-то «важная шишка», и в душе проклял свою неудачу.

Он не смел поднимать глаз на тех, кто сидел на возвышении.

Прошло десять лет, и Бай Сяньчэнь думал, что образ Се Уцзю уже стерся из памяти. Но засмотревшись на серебристые руны, парящие возле колонн Зала Наказаний, он с ужасом осознал: он помнит Се Уцзю до мельчайших деталей.

То ли дело было в хорошей памяти после перерождения, то ли в том, что типаж «ледяного горохострела» из «Растений против зомби» действительно трудно забыть.

Рядом парень, потерявший кролика, изливал душу бесконечным потоком слов, путаясь в показаниях, как школьник-ябеда. Он никак не мог перейти к сути, из-за чего Бай Сяньчэнь пару раз едва не прыснул со смеху, вовремя опустив голову, чтобы не выдать себя.

Он болтал до тех пор, пока даже терпеливый старейшина Тёмного Наказания не прервал Линь Цзина:

— Довольно. Линь Цзин, старейшина Громовой Молот дал тебе имя Цзин, означающее «тишина», но посмотри на себя – разве ты ему соответствуешь?

Линь Цзин обиженно замолк.

Старейшина Тёмного Наказания перевёл взгляд на «Ван Кэ», который стоял понуриив голову:

— Потеря питомца – дело не самое великое. Однако что это за разговоры о пренебрежении обязанностями?

Линь Цзин тут же попытался вклиниться:

— Ван Кэ не может говорить, я всё объясню...

Старейшина прервал его:

— Раз не может говорить, принесите ему бумагу и кисть. Негоже слушать лишь одну сторону.

Ну да. Этот старик всегда был справедлив. Прежде чем наказать, он читал целую нотацию и никогда не вставал на сторону сильного без причины.

Однако Бай Сяньчэнь, сжимая кисть, долго не мог выдать ни слова.

Он же ни черта не знал! Что ему писать?

Линь Цзин рядом так и брызгал ядом:

— Что, нечего написать? Валяй, сочиняй, а я тебя живо выведу на чистую воду! Твоя халатность – это факт!

М-да.

Бай Сяньчэнь уже решил было бросить кисть и принять кару.

В конце концов, что они ему сделают? Он всего лишь внешний ученик. За такой пустяк старейшина Тёмного Наказания даже руки марать не станет. Да и секта Нефритового Небосвода в целом была гуманной: в худшем случае заставят поститься или запрут на пару дней в заточении – пустяки, не больно.

В Зале Наказаний давно не разбирали подобную мышиную возню. Но правила есть правила:

Линь Цзин действительно был личным учеником старейшины Громового Молота и имел право подать жалобу. Старейшина Тёмного Наказания, не желая обижать Громового Молота, не мог просто выгнать Линь Цзина, поэтому надеялся, что «Ван Кэ» напишет что-то дельное, чтобы можно было поскорее закончить этот детский фарс.

Заметив апатию Бай Сяньчэня, старейшина вздохнул и посмотрел на неподвижного Се Уцзю, решив переложить проблему на начальство:

— Сегодня было условлено, что вершить суд будет глава секты. Что скажет бессмертный почтенный?

Вот черт!

Десятилетиями Се Уцзю здесь не видели, а стоило Бай Сяньчэню явиться, как тот решил лично вершить суд?

Верно говорят: не стоило верить предсказанию старого компаса! Древний хлам нельзя использовать! «Уцзю» – это явное «великое несчастье»! И человек, и гексаграмма в сговоре против него! Вернется – разнесет этот компас в щепки...

Проклиная свою удачу, Бай Сяньчэнь всё же быстро схватил кисть.

Логику и методы старейшины Тёмного Наказания он знал как облупленные, но вот чего ждать от непредсказуемого главы секты – понятия не имел.

Если Се Уцзю решит применить какие-нибудь грозные меры или, не дай бог, заподозрит неладное в его личности – пиши пропало.

Нельзя просто так брать вину на себя.

Стоило ему взяться за кисть, как Се Уцзю, до того сидевший с закрытыми глазами, наконец повернул голову. Его взгляд был холодным и прозрачным, в нем не читалось ровным счетом ничего.

Видимо, в прошлой жизни он так намерзся рядом с этой «ледышкой», что заработал посттравматический синдром. Се Уцзю был далеко, он лишь мельком взглянул на него, а Бай Сяньчэнь уже почувствовал, как по телу разливается холод.

И, кажется, взгляд Се Уцзю был каким-то... странным.

Неужели он что-то заподозрил?

В былые времена, когда в секту прокрадывались злокозненные твари, чтобы пожирать души учеников, соученики ничего не замечали месяцами, а Се Уцзю со старейшинами хватало одного взгляда на толпу, чтобы почуять неладное.

Бай Сяньчэнь до сих пор помнил, как Се Уцзю одним взмахом руки заморозил внутренности нечисти так, что те рассыпались в пыль. Дух твари развеялся, тело превратилось в ледяную крошку, а похищенные души невредимыми вернулись к законным владельцам.

Вспомнив это зрелище, Бай Сяньчэнь ощутил холод в собственных внутренностях...

Он искренне пожалел о тех несчастных двухстах кристаллах. Он явно недооценил степень своей невезучести и больше всего на свете хотел написать на бумаге: «Б-б-б-братан, не убивай

меня!»

Но в последний момент он взял себя в руки и написал коротко и веско:

ОКЛЕВЕТАЛИ!!

<http://bllate.org/book/19453/1908637>